

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XVII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПОСВЯЩЕННЫЙ
80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. СЕМЕНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад—1953

А. А. ТРОИЦКАЯ

ВОЕННОЕ ДЕЛО В БУХАРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

Бухарский эмир Насрулла (1827-1860), отличавшийся своей жестокостью и прозванный народом «кассоб» — мясник, в борьбе с феодальной раздробленностью и в стремлении расширить границы своего государства уделял большое внимание войску, о котором он очень заботился.¹ В его правление в Бухаре впервые было сформировано регулярное войско, состоявшее из пехотинцев сарбазов (сарбоз) и пушкарей — топчи (тупчи).

Военное дело в Бухаре, его история и организация, особенно же вопрос о формировании регулярного войска при эмире Насрулле из-за недостаточности источников почти не освещены в литературе. О создании полка сарбазов и отряда топчи имеется всего лишь несколько упоминаний и заметок, в числе них: Н. В. Ханыкова, Н. Г. Залесова, и Л. Соболева, причем все они сводятся не столько к описанию самого войска, сколько к характеристике первого его организатора Абду Самеда.²

Пробел в источниках по этому вопросу значительно пополняется двумя рукописями неизвестного автора, хранящимися в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а именно: «О походах бухарского эмира Насруллы Багадур-хана», 21 л. (Поступление 1950 г. № 20⁹) и «О бухарских сарбазах», 13 л., со специальной главой — «О бухарских топчи» (Поступление 1950 г. № 20¹⁰).

Обе рукописи переписаны рукою одного писца, обе написаны летом в 1859 году³ на основании сведений, полученных от русских пленных, бывших долгое время сарбазами у эмира Насруллы, освобожден-

¹ О правлении эмира Насруллы см. Ханыков Н., Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 224 и сл.; История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 166 и сл.; Соболев Л., Новейшая история Бухарского ханства, Туркестанские ведомости, 1876, № 28; Записки Мирзы-Шемса-Бухари о некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре, изданные В. В. Григорьевым, Казань, 1861.

² Ханыков Н., цит. соч., стр. 71, 231-232, 235; Залесов Н., Очерк дипломатических сношений России с Бухарою с 1836 по 1843 гг., Военный сборник, 1862, т. 27, стр. 22; Соболев Л., цит. соч.

³ См. рукопись «О походах бухарского эмира Насруллы Багадур-хана», Поступление 1950 г., № 20⁹, л. 20а, примечание.

ных военно-политической миссией Н. Г. Игнатьева в Хиву и Бухару и вывезенных ею в Россию.

«Из числа российских подданных, — пишет автор записки о походах Насруллы, — вырученных императорскою миссией в 1858 году из бухарского плена, только один человек (по списку № 8) мог бы сообщить некоторые сведения о походах эмира Саида,¹ ибо пробыл в плену более 60 лет. К сожалению, память этого старика весьма ослабела... Другой пленник, Василий Пшеничный, хотя и застал эмира Саида в живых, но как до поступления в сарбазы не участвовал сам ни в одном походе, то не мог сообщить ничего достоверного о военных действиях бухарцев. С 1840 года, когда во всех походах эмира стали участвовать его сарбазы и артиллерия, а следовательно и все наши пленники, упомянутые в списке — сведения и показания, доставленные столькими очевидцами разных событий в Бухаре, дают возможность составить краткое описание походов эмира Насруллы за последние двадцать лет» (там же, л. 1 а, б).

Списка русских пленных, освобожденных миссией Н. Г. Игнатьева, в Публичной библиотеке нет, и его нужно искать в других центральных архивах, в делах миссии Н. Г. Игнатьева.

В 1858 году, по данным, опубликованным членами миссии, миссией было освобождено и вывезено в Россию одиннадцать русских пленных, из них восемь человек служило в регулярном войске эмира бухарского.² Во время следования миссии из Бухары в Россию показания освобожденных пленных были записаны. По этому поводу Н. Г. Игнатьев пишет следующее: «Во время похода, пользуясь каждою остановкою, от бывших русских пленных отбирались назначенными мною членами посольства подробные сведения о Бухаре, а равно и о всех соседних местностях, где нашим землякам довелось побывать. Сведения эти представлены частью в Азиатский департамент, частью же в главный штаб (тогда еще Департамент Генерального штаба)».³

Таким образом, записки о военном деле в Бухаре при эмире Насрулле, хранящиеся в Публичной библиотеке, составлены на основании достоверных сведений, собранных у людей, долгое время проживших в Бухарском ханстве, участвовавших в походах и служивших в регулярном войске эмира с самого начала его организации.

Учитывая скудость сведений по военному делу в Бухаре, полагаю, что публикация из этих записок материала, относящегося к организации регулярного войска в Бухаре за период с 1837 по 1858 гг., будет не безынтересна.

Автор записок о сарбазах пишет: «Сарбазы были заведены в Бухаре лет за двадцать перед сим... (т. е. в 1837 г., А. Т.). Ядром регулярного войска, заводимого эмиром, были русские пленники от восемнадцати до двадцати человек, которых эмир собрал по всему ханству, а владельцев их вознаграждал деньгами, или дал в замену русских персидских невольников. В продолжении одной зимы около этой горсти русских собралось до 1000 персиян, которые уже большею частию сами бежали от своих хозяев и тем избавили эмира от лишних расходов» (Поступление 1950 г. № 20¹⁰, л. 1а).

¹ Эмир Хайдар (1800-1826).

² См. Игнатьев Н., Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г., СПб., 1897, стр. 226; Залесов Н. Г., Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева, Русский Вестник, 1871, т. 92, стр. 55.

³ Игнатьев Н., цит. соч., стр. 243.

Из собравшихся пленных был составлен батальон сарбазов в 800 человек, остальные (немного больше 250 человек) были выделены в артиллерию — топчи. Сарбазы и топчи получили форму, состоящую из суконных курток алого, черного и желтого цвета (последние для артиллеристов и музыкантов), белых каленкоровых брюк и черных мерлушковых шапок. Эта форма была впоследствии изменена, и каленкоровые мало практичные брюки заменили козловыми шароварами, употреблявшимися в Бухаре для верховой езды. Все обмундирование и вооружение вновь формируемого войска, включая офицерский состав, делалось на средства эмира и принадлежало ему. Ни один рядовой или офицер регулярного войска не имел своего оружия, и такой порядок сохранялся за все время пребывания русских пленных в Бухарском ханстве. «Только в снабжении сарбазов оружием, пишет автор, встретилось большое затруднение, ибо число ружей с замками, собранных посредством строгой реквизиции в целом ханстве, оказалось далеко недостаточным для вооружения полного батальона» (там же, л. 16.). Более года шло снабжение сарбазов ружьями, которые выделяли бухарские оружейники под руководством иноземного мастера.

Батальон сарбазов был первым регулярным войском в Средней Азии, вооруженным огнестрельным оружием и живущим постоянно в своего рода «казармах»: Сарбазы и топчи были размещены в особой слободе, находившейся «...между воротами Углан и Талья-пачь; пережив всех сарбазов, эмир выстроил для каждой семьи особый домик. Таким образом, в версте от городской стены образовалась отдельная слобода, называемая Сарбаз-ханэ, которая теперь вмещает до 800 домов, расположенных вокруг плаца пространством десяти в десять» (там же, л. 2а).

В дальнейшем организация сарбазов была следующая: батальон был «...определен в 700 человек, разделенных на семь рот (даст^а); каждая рота подразделяется на две полуроты (ним-даст^а), четыре взвода (рас^ад) и восемь полувзводов (бар^а). Ротою командует юз-баш^и; помощник его имеет чин караул-бег^и; взводами командуют пендж^а-г-баш^и, а под ним пендж^а-г-баш^и-хурд. Таким образом, в каждой роте считается десять офицеров и столько же унтер-офицеров (дех-баш^и); число рядовых сарбазов в роте равно восьмидесяти. Комплект роты сто четыре человека, в том числе два барабанщика и два флейтщика» (там же, л. 5а,б.).

При сарбазах и топчи были войсковые музыканты. «Кроме 14 барабанщиков и 14 флейтчиков, распределенных по ротам, при батальоне сарбазов есть еще 2 турецких барабана и 4 горниста; еще 6 трубачей находятся при артиллерийском отряде; все эти сорок человек музыкантов состоят под особою командою туземного капельмейстера, в чине юз-бош^и. Учреждение военной музыки в Бухаре [было введено] одновременно с заведением сарбазов и первыми учителями бухарцев в этом деле были русские пленники Исмаил и Трофим (№№ «а» и «р» по списку)» (там же, л. 7а,б.).

Обмундирование для сарбазов и отдельные принадлежности офицерской формы привозились бухарскими купцами из России и были устарелыми образцами, давно вышедшими из употребления в русской армии.

Кремни для ружей, пистоны, ружья доставлялись контрабандным путем.

«Туземные оружейники до сих пор не умеют готовить ружей с ударными замками и ограничиваются только починкою готового огне-

стрельного оружия» (там же, л. 8а). Тут же автор записки рассказывает, с каким интересом бухарские мастера следили за работой кузнеца конвойной команды нашей миссии, ковавшего всего лишь подковы, стараясь запомнить и перенять его приёмы.

Регулярное войско эмира сначала получало содержание натурой из казны. Затем до 1856 года сарбазы и топчи получали жалование, выдаваемое раз в три месяца, а именно: рядовые по тилле (4 руб. серебром) в месяц, унтер-офицеры — по полторы тилли.

В 1856 году «...на содержание этого регулярного войска определены доходы с земель двух туманов (округов) Зандани и Кишты. Отдача этих земель и сбор доходов предоставлены были начальникам сарбазов, что дало повод к разным злоупотреблениям, так что теперь сарбазы и унтер-офицеры получают жалованья вполтину против положения. Бухарские офицеры получают следующие оклады: юз-баши получает 6 тилля (24 р[убля] с[еребром]) в месяц; караул-беги 4½ тилля (18 р. с.); пенджаг-баши 85 тенег (17 р. с.) и пенджаг-баши-хурд 50 тенег (10 р. с.) в месяц. Поземельные доходы тумана Кишты назначены собственнно на содержание 90 человек офицеров, как пехотных так и артиллерийских вместе. Из доходов этого же округа главнокомандующий Шарух-хан получает ежегодно 2000 тилл; кроме того он получает по 700 тилл с земель Бустана и доходы с 20 мельниц в дер. Каля-Сиях (в 8 верстах от Бухары), отдаваемых в аренду за 34 тиллы в месяц. Таким образом Шарух хан получает жалованья более 12000 руб. сер. в год; кроме того пользуется фуражем для своих лошадей и получает рис для прокормления своей многочисленной прислуги» (там же, л. 106, 11а). Далее автор записки сообщает, что доходы с двенадцати мельниц Занданинского округа, предназначавшиеся для содержания нижних чинов, были присвоены юзбаши.

Как уже упоминалось, сарбазы и топчи, нижние и офицерские чины, получали обмундирование. «Как нижним чинам, так равно офицерам каждые три года выдаются из казны эмира новые куртки, брюки и шапки; пара сапог выдается на каждый поход; вещи прослужившие положенный срок, назад не отбираются» (там же, л. 11а).

Сарбазы и топчи служили бессрочно. В мирное время они жили со своими семьями в слободке в отведенных им домах и, не слишком занятые военным учением, занимались ремеслами и торговлей.

Регулярное войско эмира состояло исключительно из пленных и не пользовалось его доверием.

Недоверие эмира было настолько сильно, что в мирное время его сарбазы и топчи фактически были безоружными. «По возвращении из похода вся артиллерия, как тяжелая так и легкая, снимается с лафетов и станков и складывается в поленицу у ворот дворца, где остается на открытом воздухе до следующего похода. Причина этого странного распоряжения заключается в недоверии, которое эмир питает к своему регулярному войску, набранному из пленных.... Как доверить им арсенал и содержание караулов во дворце и в городе в такое время, когда остальная армия распущена по домам. Охранение городских ворот и других важных постов вверено избранной страже, которая не ходит в поход. Только окруженный всем войском эмир может успокоиться на счет покорности и верности своего регулярного войска, которое едва составляет 2% всей бухарской армии» (там же, л. 176).

Сарбазы и топчи вместе со своими офицерами оставались на положении пленных невольников вплоть до 1855 года, когда после покорения

ния Шахризязбского бекства они все были объявлены свободными, но от военной службы не освобождены.

Что касается артиллерии, то автором записок даются следующие сведения: «Во владениях эмира, в настоящее время считается 50 орудий разного калибра, годных к употреблению и снабженных всем необходимым для похода. Орудия эти распределены следующим образом: 32 находятся в самой Бухаре, 2 в Джизахе, 1 в Карках, 10 в Урятепэ, 1 в Чар-Джуе и 4 в Замине. Во всех помянутых городах, кроме Бухары, прислуга к орудиям набрана из местных жителей. Число этих городовых артиллеристов в точности неизвестно, они и получают содержание наравне с милиционерами и вместе с своими орудиями не покидают тех городов, к которым причислены. Регулярные же топчи в полном своем комплекте всюду следуют за эмиром» (там же, л. 16а, б). Помимо этого, около дворца эмира было свалено несколько десятков пушек, негодных для военных целей. «Эти последние орудия большею частью весьма старинного литья; между оными встречаются персидские пушки, служившие в неудачном походе Аббас мирзы на Герат,¹ и перешедшие к эмиру через руки туркмен. Есть даже пушки отлитые в Китае христианскими миссионерами» (там же, л. 16б). Кроме того, у эмира Насруллы было большое количество небольших фальконетов, известных под названием «китайчи», и крепостных ружей.

Все работы по материальному обеспечению армии исполнялись вольнонаемными мастерами. «До сих пор в Бухаре не заведено особых мастерских как для литья пушек и артиллерийских снарядов, так для кузнечных, плотничных и др. работ, потребных для содержания артиллерии в надлежащем виде. Все потребные работы исполняются здесь вольнонаемными мастерами, из казенного материала и за хорошую плату. Литейные работы производятся теперь в Самарканде, который искони славится своими металлическими изделиями и где давно уже известно употребление каменного угля. Столярные и шорные работы всегда составляли специальность русских пленников. Казенных пороховых заводов здесь тоже нет, а есть много частных пороховых мельниц в г. Карши, а также и в других местах; ибо сера и селитра добываются в разных местностях ханства; свинец преимущественно получается из Гузара» (там же, л. 17б, 18а).

Во время походов регулярные и нерегулярные войска получали своего рода подъемные деньги, а именно: по одной тилле на человека, независимо от его чина и должности. «Кроме того сарбазы и артиллеристы во все продолжение похода получают еще кормовые деньги, в следующем количестве. Рядовые сарбазы и артиллеристы получают по одной тениге (20 к. с.) на 3 дня, унтер-офицеры или дегбашы по столько же на 2 дня; младший пенджаг-башы по одной, а старший по полторы тениги в сутки, караул-беги по две, а юз-башы по 4 тениги в день. — Музыканты получают наравне с сарабазами» (там же, л. 11б, 12а).

«Во время похода сарбазы и топчи получают казенные палатки, по одной на десять человек; для перевозки палаток и других тягостей средства доставляет тоже эмир. Иногда, для выигрыша времени целые отряды сарбазов перевозят на арбах, как например в 1858 году, в походе на Уря-тепэ» (там же, л. 12а, б).

Крепостные ружья, взятые в поход, укреплялись по несколько штук

¹ Аббас мирза, сын Фатх Али-шаха, родился в 1793 году, умер в 1833 году, поход на Герат был в 1833 году.

на одной арбе и с арб же из них стреляли. «Несмотря на трудность перевозки, эмир в каждый поход берет с собою до 500 снарядов на каждое орудие, ибо встречающиеся на пути города не имеют никаких запасных магазинов. Снаряды и патроны для сарбазов возятся на вьюках; обыкновенно артиллерийский парк или кур-ханэ помещают в центре армии» (там же, л. 18а, б).

В армии Насруллы огнестрельным оружием были вооружены только сарбазы и топчи. У первых были ружья со штыками, у вторых — пистолеты и русские кавалерийские сабли в железных ножнах. Офицеры регулярных войск (без унтер-офицеров, вооруженных как рядовые) были вооружены ружьями без штыков, у юзбаши были ружья двухствольные, пистолеты и бухарские сабли в деревянных ножнах, оклеенных черной кожей и опривленных в серебро.

Сила сарбазов, по замечанию автора записок, заключалась в их умении владеть огнестрельным оружием, столь редким в то время в Средней Азии. Основное назначение сарбазов в войсках эмира во время походов было служить прикрытием артиллерии, но они также ходили на приступы. Обычно потери сарбазов во время нахождения их при артиллерии были невелики, при штурмах же они теряли до половины своего состава, как, например, при штурме Коканда в 1842 году или Шаматана в Шахрисябзском бекстве в 1855 году.

Во время походов эмира его армию сопровождали безоружные рабочие, исполнявшие во время следования и на местах сражений саперные работы.¹ Особенно много брал их эмир при плохом состоянии дорог. Так, например, во время похода на Коканд в 1844 году с бухарской армией шло 2000 рабочих, которые должны были расчищать дороги и наводить мосты для прохода артиллерии. При хорошем состоянии дорог армию сопровождало несколько сот рабочих, как, например, в походе на Ура-Тюбе в 1858 г. (см. О походах бухарского эмира Насруллы Богадур-хана. Пост. 1950 г., № 20⁹, лл. 4а, 14а).

В записке о походах эмира Насруллы имеется ряд сведений о численности бухарской армии во время походов, об укреплениях и способах ведения войны. Так, например, при описании взятия Коканда в 1842 году упоминается, что эмир оставил в нем своим наместником Ибрахима парваначи с пяти тысячным отрядом войска и 250 мастерами для сооружения стены вокруг Коканда, бывшего до того неукрепленным. Бухарцы вскоре были выгнаны из Коканда, вступивший на ханский престол Шир Али-хан² закончил кладку стены вокруг Коканда, начатую бухарцами, «...а бухарских каменщиков приказал заделать в начатую ими городскую стену, которую уже сам окончил» (там же, л. 2б).

Дисциплина в армии была очень слаба. В этом отношении характерен следующий факт, сообщаемый автором записки о бухарских сарбазах: — «При взятии г. Коканда в конце апреля 1842 г. сарбазы первыми ворвались во дворец Мухаммед-Али-хана³ и начали грабеж; вслед за ними явился Музафар-хан⁴ с своею дружиною, но сарбазы не захотели уступить ему свою добычу; Музафар-хан пришел в ярость и стал

¹ Ср. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. II, М.—Л., 1952, стр. 199 и там же примечание.¹

² 1842-1845 г.

³ Мухаммед Али — кокандский хан, правил с 1822 по 1842 г.

⁴ Музаффар хан, сын Насруллы хана, с 1860 г. бухарский эмир, правил до 1885 г.

саблею рубить сарбазов; в ответ на это Абду Самет-хан¹ ударил в штыки на людей Музафар-хана и выгнал их прочь» (Пост. 1950 № 20¹⁰, л. 2б., 3а).

В первой половине XIX века в Бухарском ханстве применялись во время войны система окопов, искусственные наводнения и отводы рек от осажденных городов. Шахрисябзский бек Ходжа Кул при походе эмира Насруллы на Шахрисябз в 1845 году приготовился к войне «...усилив укрепления городов своих: Шахрисябза, Урта-Кургана, Шаматана и Китаба. Эти четыре города Ходжа Кул связал между собою непрерывными линиями окопов, так что из своего владения он сделал род обширного укрепленного лагеря, в середину коего собрал все подвластное ему население; для усиления обороны Ходжа Кул прибегнул даже к искусственным наводнениям». (О походах... цит. Пост. 1950 № 20⁹, л. 7б, 8а). В походах на Шахрисябз в 1852 и 1854 годах бухарцами был причинен большой вред неприятелю спуском воды из горных рек в Шахрисябзскую долину, а затем отводом воды от городов Шахрисябза (там же, лл. 9б, 10а).

Сильные укрепления имел город Ура-Тюбе. Автор записки о походах эмира Насруллы пишет: «В четверти версты от Уря-тепэ, на небольшой горе находился отдельный форт, называемый каль-минар, окруженный высокою стеною и рвом. Об этот самый форт разбились все усилия кокандской армии, нападавшей на Уря-тепэ за два месяца до прихода эмира. (Автор описывает поход эмира Насруллы весною 1858 года А. Т.). Нелегко достался этот форт и бухарцам, хотя не имел ни одной пушки и число защитников его не превышало 200 человек; полуразрушенный действием неприятельской артиллерии он 4 часа выдерживал приступ целой армии эмира, который наконец стал грозить казнь своим военачальникам, если они к закату солнца не возьмут города. Бухарцы потеряв до 150 человек (в том числе 12 сарбазов) овладели фортом и перебили защитников одного кроме двух человек...» (там же, л. 15а, 16а).

Приведенные в публикации данные являются лишь небольшой частью сведений, записанных со слов русских пленных, освобожденных миссией Н. Г. Игнатьева. Несомненно, что в делах этой миссии, хранящихся, по всей вероятности, в одном из центральных архивов, найдется много ценного материала, не вошедшего еще в научный обиход.

¹ Абду Самед — командир сарбазов и топчи с 1837 г. по 1845 г.; был казнен за измену эмиром Насруллой.

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

А. Л. ТРОИЦКАЯ.

АМУ-ДАРЬЯ И УЗБОЙ

(К истории вопроса о попытках поворота Аму-Дарьи в Узбой по архивным материалам Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Как известно, вопрос о возможности поворота Аму-Дарьи в Каспийское море через Узбой давно волновал умы не только в Средней Азии, но и в России. Экспедиция в Хиву князя Черкасского, посланного Петром I в начале XVIII в., состоялась в значительной мере по инициативе мангышлакского туркмена Ходжи-Нефеса, указавшего на возможность повернуть воды Аму-Дарьи через Узбой в Каспийское море. Неудача экспедиции и гибель всего отряда князя Черкасского не ослабила интереса к этому вопросу, и к нему не раз возвращались. Особенно возрос этот интерес в связи с развитием в России мануфактурного и фабричного производства, поисками внешних рынков и торговых путей.

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится ряд докладных записок начала и середины XIX в., трактующих, в связи с поисками торговых путей в Среднюю Азию и Индию, необходимость повернуть воды Аму-Дарьи в Узбой. Так, например, в марте 1802 г. генерал-аншеф В. А. Зубов в докладной записке, по-видимому, на имя Александра I, названной «Общее обозрение торговли с Азиею», рассматривает вопрос о торговом пути в Индию через Астрабад—Хорасан—Кандагар и в заключение предлагает: «Для исполнения того ничего иного не остается, как отрядить знающих и достойных доверенности людей к описанию путей до самого Индостана: одного от устья Аму-Дарьи вверх по течению; другого от Астрабада через Хорасан и Кандагар, а третьего для снятия восточного берега Каспийского моря».¹

Через двадцать лет, в 1823 г., капитан Ренненкампф в докладной записке на французском языке, по-видимому тоже на имя Александра I, пишет о значении Аму-Дарьи как важном торговом пути, напоминает о проекте Петра I повернуть Аму-Дарью в Каспийское море и указывает на необходимость прорыть канал от Аральского моря к Каспийскому.²

В 1859 г. генерал-лейтенант С. А. Хрулев, доблестный защитник Севастополя, в докладной записке на имя Александра II предлагает смелый «Проект Устава Торгового товарищества с Среднею Азиею». В проекте он рекомендует устроить торговый путь через Волгу, Каспий,

¹ Рук. Гос. публ. библ., кн. пост. 1950, № 203, л. 15-6.

² Quelques données historiques et géographiques sur le commerce des Indes (Рук. Гос. публ. библ., кн. пост. 1950, № 203, лл. 68-а, 73-б).

затем по железной дороге через пески к Аму-Дарье, один рукав которой проектирует пропустить в Узбой. Указывая на необходимость устроить торговые фактории на восточном берегу Каспийского моря, на острове Челекене и на Балханском заливе, С. А. Хрулев в § 1 своего Устава пишет: «Цель основания Товарищества заключается в упрочении и расширении торговых оборотов России с Среднею Азиею, разумея под сею последнюю владения Хивинские, Бухарские, Коканские и Кабульские, степи Туркменов и Киргизов, земли, лежащие вверх по Аму-Дарье, Китайский Туркестан, Тибет и Кашмир».¹ И далее (в §§ 10 и 11): «...избрав Балханский залив опорною точкою действий своих со стороны Каспийского моря, Товарищество учреждает здесь фактории с поселением и проводит отсюда, по ближайшем ознакомлении с местностью, железную дорогу к р. Аму-Дарье; первоначально же доводится для перевозки товаров верблюдами, а потом локомотивом с подкладными рельсами. Этот предварительный опыт, ознакомив хивинцев с приложением паровой силы к облегчению торговых сообщений, послужит к устранению опасений с их стороны на счет военного значения железной дороги.

Воды одного из рукавов Аму-Дарьи, перед впадением рукава этого в Аральское море, устремляются в так называемое старое русло оной, по направлению к Каспийскому морю, и нередко прорывают устроенную для удержания их от этого плотину на урочище Чаркраук, близ Куны-Ургенча.

Не удерживаемые этою плотиною, воды левого рукава Аму, если и не достигнут Каспийского моря,² то оплодотворяют во всяком случае значительную полосу Туркменской степи, близ предполагаемого направления железной дороги от Балханского залива. По этой причине и для приобретения доброго расположения туркмен, которые ничего не желают так для своего благоденствия, как снятия Чаркраукской плотины,³ Товариществу предоставляется распорядиться этим за свой счет. Отвод воды из означенного рукава Аму несколько не воспрепятствует пароходству по другим рукавам, коими река эта впадает в Аральское море».⁴

Предлагая торговый путь по Волге — Каспию — Аму-Дарье, С. А. Хрулев в объяснительной записке, приложенной к Проекту Устава и названной «Об общеевропейской торговле с Среднею Азиею», пишет, что этот путь имеет общеевропейское значение для торговли с Азией и он значительно короче и дешевле, чем путь через Суэцкий перешеек.⁵

Лишь попутно и между прочим отмечает С. А. Хрулев культурное значение для Средней Азии этого торгового пути и сближения ее с

¹ Рук. Гос. публ. библ., F XVII, 51, л. 25-а.

² Примечание С. А. Хрулева: «Сделать же Аму-Дарью по-прежнему впадающую в Каспийское море можно, направив в нее массу вод Сыра, вливающих теперь в Аральское море. Тогда эти две соединенные реки будут торговыми водяными путями от Астрахани до Кокана, в одну сторону, и до Кабулистана в другую».

³ Имеется в виду плотина Таш-Бент, или Таш-Бугут, поставленная в 1850 г. хивинским ханом Мухаммедом Эмином (1845—1855) на протоке Шаркраук. Плотина имела исключительно военно-политическое значение и была установлена с целью лишить туркмен воды, прекратив ток ее из Аму-Дарьи через проток Лаузан в Дарьялык, или Куны-Дарью, и вынудить их подчиниться хивинскому хану. См. А. Л. Троицкая, Земельно-водная политика хивинских ханов 1850, 1857 гг., Сб. Гос. публ. библ., в. II, Л., 1954, стр. 77—78.

⁴ Рук. Гос. публ. библ., F XVII, 51, л. 26-а, б.

⁵ Цит. рук., лл. 22-б, 23-а.

Россией: «Для народов Средней Азии знакомство и сближение с Россией будет величайшим из благодеяний... шум русских пароходов на Аму и Сыре, появление русских факторий у подножия Гиндукуша и Гималаев разбудят народонаселение Турана и извлекут его из того оцепенения, в которое погружено оно уже».¹

Касаясь взаимоотношений с Англией, С. А. Хрулев замечает: «Торгуя с Среднею Азиею и внося туда свое влияние, Россия не кидает боевой перчатки Англии, напротив того, когда торговое влияние наше в Средней Азии утвердится прочным образом, так что никакая конкуренция не будет ему опасна, а Россия покроется между тем железными дорогами, тогда мы сделаемся естественными проводниками европейской торговли с Индиею».²

Здесь бросается в глаза миролюбивое отношение к Англии С. А. Хрулева, но вместе с тем, проскальзывает желание компенсировать неудачу Крымской кампании.

После занятия Красноводска в 1869 г. и подчинения Хивинского ханства России в 1873 г. начинаются исследования Узбоя. Старое русло Аму-Дарьи изучается как со стороны Красноводска, так со стороны Хивы, а именно: по Узбою, Куня-Дарье и Даудану. Эти исследования и их результаты подробно изложены в хорошо известной книге А. И. Глуховского,³ тщательно изучавшего в течение десяти лет Узбой. На основании своих исследований А. И. Глуховской доказывал возможность повернуть воды Аму-Дарьи в Каспийское море и предложил два проекта по осуществлению этого поворота. Отмечая в первую очередь значение Аму-Дарьинско—Каспийского водного пути как торгового, А. И. Глуховской попутно указывает, что одновременно можно будет оросить большое пространство плодородной почвы, представляющей пустыню, тогда как некогда там ключом била жизнь, судя по сохранившимся развалинам, виденным им.⁴

На возможность направить воды Аму-Дарьи в Каспийское море указывал полковник Петрусевиц, проводивший в 70-х годах прошлого века нивелировку местности по р. Аму-Дарье от г. Нового Ургенча до Ходжейли и по руслу Куня-Дарьи до Сарыкамыша. Петрусевиц предлагал пропустить воду по Куня-Дарье через Сарыкамышские озера в Узбой. В виде опыта он хотел направить небольшую струю по протоку Лаузан, вытекавшему из Аму-Дарьи, по системе его каналов в Куня-Дарью и далее. Результаты исследования полковника Петрусевица, по всей вероятности, не были опубликованы, так как он был убит во время Ахал-Текинского похода 1880—1881 гг.

¹ Цит. рук., л. 22-а.

² Там же, л. 22-б.

³ А. И. Глуховской, Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного Аму-Дарьинско—Каспийского пути от границ Афганистана по Аму-Дарье, Каспию и Марининской системе до Петербурга и Балтийского моря, СПб., 1893, стр. 55 сл. См. также [Н. К. Романов], Аму и Узбой, Самара, 1879, стр. 37 сл.; А. И. Свинцов, Река Аму-Дарья и древнее соединение ее с Каспийским морем (Узбой), СПб., 1884, стр. 6 сл.

⁴ См. А. И. Глуховской, О пропуске вод р. Аму-Дарьи в Каспийское море и о значении водного Аму-Дарьинско—Каспийского пути, СПб., 1889, стр. 21. Напечатано также в Правительственном вестнике за 1889 г., № 103, 104. О развалинах по Узбою и остатках старинных водопроводов упоминает Н. Н. Муравьев, проехавший по Узбою в 1819 и 1820 гг. См. Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, М., 1822, стр. 13, 14, 33, 34. Ср. также [Н. К. Романов], Аму и Узбой, стр. 44; В. Н. Обручев, Закаспийская низменность, Зап. Русск. геогр. общ. по общей географии, т. XX, № 3, 1890, стр. 171, 176, 180, 198 сл.; А. И. Свинцов; цит. соч., стр. 45 сл.

В 1879 г. была еще одна экспедиция, а именно экспедиция Самарского общества для изучения среднеазиатских путей, почти не освещенная в литературе, начальник которой Н. К. Романов, опальный великий князь, пожизненно сосланный в Туркестанский край, сделал попытку пропустить часть воды Аму-Дарьи по протоку Лаузан в Сарыкамыш. Опыт этот был сделан в значительной мере по инициативе полковника Петрусевича, с которым Н. К. Романов по этому вопросу неоднократно совещался.

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится докладная записка Н. К. Романова на имя Александра II.¹ В ней он подробно излагает результаты экспедиции и предлагает повернуть воды Аму-Дарьи в Куня-Дарью и Узбой, сделав это при помощи хивинцев и туркмен, одинаково заинтересованных в аму-дарьинской воде, имеющих вековой опыт как по борьбе с водной стихией, так и по управлению ею.

Докладная записка Н. К. Романова интересна по имеющемуся в ней материалу об установке плотины на протоке Лаузан, выходящем из Аму-Дарьи между Ходжейли и Кипчаком, воздвигнутой с военно-политическими целями, чтобы лишить туркмен воды и тем поставить их в полную зависимость от хивинских ханов, владельцев аму-дарьинских вод. Сведения, приводимые Н. К. Романовым, очень ценны, так как они собраны у очевидцев и участников событий, а именно: у строителя плотины Бент на протоке Лаузан сановника Абдуллы-мехтера, у Муртаза-бия, ведавшего всеми плотинами по системе канала Лаузан и по Дарьялыку, наконец, у ханского караванбаши (начальника караванов) Худай-Бергена.

Плотина Бент была воздвигнута в 1857 г. в истоках Лаузана по приказанию хивинского хана Сейид-Мухаммеда. Она совершенно прекратила ток воды в Куня-Дарью, или Дарьялык. Туркмены, жившие вне пределов Хивинского ханства, вследствие этого были лишены воды. Разгорелась многолетняя кровавая борьба за воду туркмен с хивинскими ханами, кончившаяся поражением туркмен, после которого часть туркмен покорились хивинскому хану, часть откочевала на юг.²

Докладная записка Н. К. Романова интересна также тем, что в ней содержатся сведения о пробном пуске воды через Лаузан и Дарьялык в Сарыкамыш.

В 1879 г. по договоренности и с разрешения хивинского хана Сейид-Мухаммед-Рахима была прорыта плотина на Лаузана и пущена вода в Куня-Дарью. Характерно, что эти работы вызывались делать те же лица, которые строили плотину Бент на Лаузана в 1857 г. и в течение двадцати с лишним лет охраняли ее от нападений туркмен-йомудов, а именно: Абдулла-мехтер и Муртаза-бий. В пропуске воды из Аму-Дарьи в Куня-Дарью и Сарыкамыш были заинтересованы не только туркмены, но и хивинцы. Последние прекрасно понимали все выгоды этого предприятия, так как оно должно было значительно увеличить посевную площадь.

За возможное обводнение Куня-Дарьи ухватились туркмены. Все они в один голос выразили желание дать необходимую для этого ра-

¹ Поворот Аму-Дарьи в Узбой, рук. Гос. публ. библ., F IV, № 839; см. также Отчет Гос. публ. библ. 1908 г., стр. 101, № 30. Докладная записка Н. К. Романова частично была опубликована в «Ташкентском курьере» за 1908 г. в № 170—178, 180—181 под названием «Старый ток. Записки участника Самарской экспедиции».

² См. [Н. К. Романов], Поворот Аму-Дарьи в Узбой, лл. 16-а — 18-б; А. Л. Троицкая, Земельно-водная политика хивинских ханов, стр. 75—88.

бочую силу, жаловались на притеснения хивинского хана, обещали полную покорность России и просили разрешить им платить дань непосредственно русскому правительству. Представитель туркмен, старейшина йомудов, Ата-Мурад заявил Н. К. Романову: «Если белый царь прикажет хивинцам пустить воду в Дарьялык, все туркмены переселятся на старые места по Узбою, где лежат кости наших дедов и отцов. Мы, старейшины йомудов и чаудор, беремся выставить двенадцать тысяч рабочих для пропуска воды в старое русло, готовы дать заложников и ручаемся нашей кровью, что будем жить покорно под властью белого царя».¹

Туркмены должны были передать Н. К. Романову постановление своих старейшин относительно пропуска воды Аму-Дарьи в Куня-Дарью. Однако оно не дошло по адресу, так как было перехвачено по приказанию хивинского хана. Последний, хотя и согласился пропустить небольшую струю воды через Лаузан, в глубине души решил всячески препятствовать этому мероприятию, так как обводнение Куня-Дарьи сделало бы туркмен независимыми от него.

Хищническое отношение хивинского хана Сейид-Мухаммед-Рахима, как и его предшественников, к туркменам, которых он держал в подчинении, не давая им аму-дарьинской воды за пределами ханства, ярко выступает в его письме к начальнику Самарской экспедиции в ответ на запрос последнего относительно пропуска воды через Лаузан. Письмо настолько характерно, что его стоит привести целиком: «...из письма вашего, полученного мною в Ургенче, я узнал, что вы, с разрешения великого белого царя, желаете осмотреть Аму-Дарью и пустить воду по старому ее руслу, называемому Дарьялык.

Я желал бы помочь вам в этом деле и скажу, что хотя воду пропустить возможно, но к этому есть следующие препятствия.

Если по Лаузану пустить воду в Дарьялык, у туркмен и узбеков, сидящих на некоторых протоках Лаузана, посохнут пашни и мне нельзя будет брать с них подати.

Когда вода пойдет по Дарьялыку, все туркмены откочуют с настоящих своих мест, поселятся на сухом русле, перестанут мне повиноваться и платить подати.

Лишенный податей с названных жителей и обязанный платить в русскую казну большую дань, я поставлен буду в затруднительное положение.

Поэтому прошу вас исходатайствовать перед белым царем о сложении с меня части ежегодно платимой дани, дабы я мог дать пособие жителям, которые понесут убытки и привести им новые арыки.

Прошу, чтобы хивинская граница осталась та же, как и ныне, то есть по Аму-Дарье и Талдыку, а не по Дарьялыку.

Когда пущенная вода пойдет в озера Сарыкамыш и далее, прошу признать эти озера принадлежащими Хиве.

Если по Лаузану воды пойдет так много, что Ходжейли и Кунград останутся без воды, прошу запрудить те протоки, которыми вода Аму-Дарьи идет напрасно, и провести воду этим городам.

В доказательство моей готовности оказать в этом деле помощь русскому народу я приказал сломать плотины Бент на Лаузана и Шамрат на Дарьялыке.

Если до весны будущего года я не получу от милостивого белого царя известия на мою просьбу, должен буду снова воздвигнуть разрушенные плотины. На это ожидаю вашего ответа.

¹ [Н. К. Романов], Поворот Аму-Дарьи в Узбой, с лл. 22-б по 23-а.

Это дружеское письмо написано в пятый день месяца Зулькада 1296 года (21 октября 1879 г.—А. Т.).

Печать Сеид-Мухамед-Рахим-хана хивинского».¹

Пробный пуск воды через Лаузан в Дарьялык был осуществлен осенью того же года. По приказанию хана была прокопана часть плотин на Лаузанае — Бент и Шамрат. Последняя была быстро восстановлена, так как для пропуска воды в Куна-Дарью она не имела значения, туркмены же жившие около нее, лишались воды.

По словам Н. К. Романова, «...вода Аму-Дарьи, несмотря на осенний низкий уровень реки, двинулась со скоростью 1 версты в час по Лаузану в Дарьялык и в первых числах ноября приблизилась к древней столице Хорезма».²

Пропуск вод из Аму-Дарьи в Сарыкамыш не был доведен до конца, так как этому не сочувствовал ни хивинский хан Сейид-Мухаммед-Рахим, ни царское правительство в Туркестанском крае, которое не поддерживало начинания Н. К. Романова.

Плотина на Лаузанае была, по всей вероятности, восстановлена хивинским ханом, и все осталось по-прежнему. Вода в Дарьялык не была пущена.

В 1890 г. тем же Н. К. Романовым вновь была сделана попытка пустить воды Аму-Дарьи в Дарьялык. На этот раз был расширен водоприемник Лаузана на 40 сажен и углублен на 3 аршина, разрушена плотина Таш-Бент, или Таш-Бугут, у устья Лаузана и вновь пущена струя аму-дарьинской воды по каналам Лаузана в Дарьялык.³

Хотя эти работы не имели больших практических результатов, тем не менее, они представляют несомненный интерес для истории изучения всей большой проблемы о повороте Аму-Дарьи через Узбой в Каспийское море.

¹ Н. К. Романов, Поворот Аму-Дарьи в Узбой, лл. 13-а — 14-а.

² Там же, л. 30-б.

³ См. Н. К. Романов, Старый ток. Отчет о поездке на хивинский Узбой летом 1890 г., Оттиск из газ. «Туркестанский курьер», 1908, стр. 8.